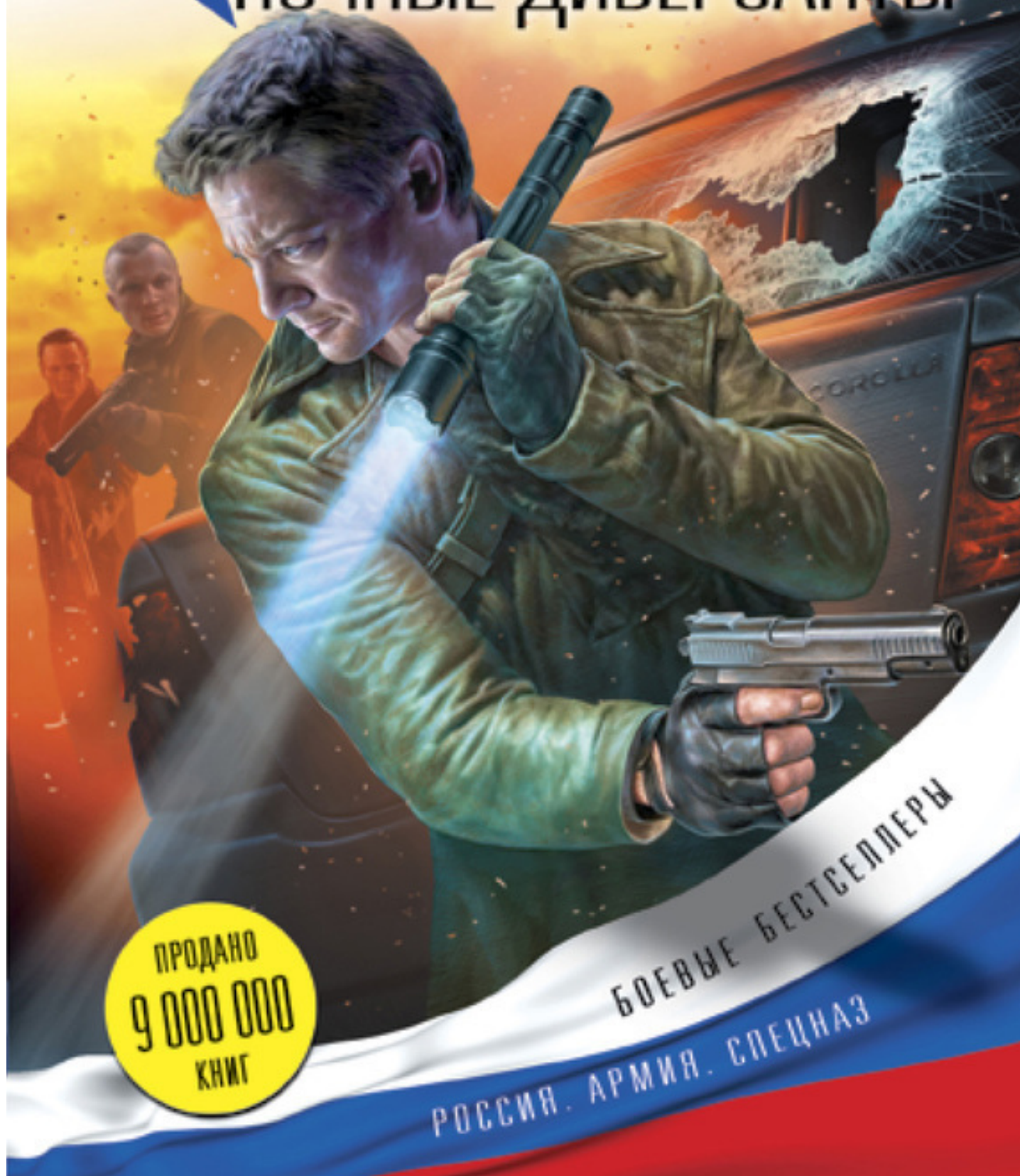

АЛЕКСАНДР

ТАМОНИКОВ

НОЧНЫЕ ДИВЕРСАНТЫ

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

БОЕВЫЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ

РОССИЯ. АРМИЯ. СПЕЦНАЗ

Группа «Антитеррор» майора Репнина

Александр Тамоников

Ночные диверсанты

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Ночные диверсанты / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2016 — (Группа «Антитеррор» майора Репнина)

ISBN 978-5-699-88040-9

На федеральной трассе «Дон» одно за другим совершаются тяжкие преступления. Под покровом ночи бандиты останавливают машины и хладнокровно расстреливают всех пассажиров, в том числе стариков и детей. Признаков ограбления нет – убийство ради убийства. Местная полиция сбилась с ног: всякий раз преступники исчезают, не оставляя никаких следов. На помощь полицейским прибывает отряд спецназа «Антитеррор» во главе с майором Вадимом Репниным. Знакомясь с подробностями дела, опытный офицер приходит к выводу, что на трассе действует не шайка отморожков, а хорошо подготовленная диверсионная группа. Чтобы поймать зарвавшихся убийц, майор берется сыграть роль живой приманки...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88040-9

© Тамоников А. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Тамоников

Ночные диверсанты

© Тамоников А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Все, описанное в книге, является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

Глава первая

Черная «Тойота Камри» с номерами столичного региона летела по ночной автомагистрали. Трасса «Дон» на этом участке была прямая, как стрела, качество покрытия – идеальное. Фонари вне населенных пунктов отсутствовали, но водителя это мало смущало, он уверенно держал скорость. Справа от дороги тянулись лесополосы, переходящие в полноценные леса, слева – поля. Движение почти отсутствовало; электронные часы на приборной панели показывали половину первого ночи. По левому борту, за обширным лугом и разреженным березняком, зарябили огоньки – словно бисер рассыпали. В свете фар мелькнул указатель со стрелкой влево: «Осипово». Съезд в село находился дальше – извитый петлей проезд нырнул под путепровод. «Камри» летела, не снижая скорости. Мелькнул еще один указатель: семь километров до населенного пункта Покровского.

– Игорек, давай потише, – попросила миловидная девушка с вздернутым носиком, сидящая на пассажирском сиденье и с опаской косясь на стрелку спидометра.

– Чего потише, Катюха? – спросил водитель – паренек с холеным смазливym лицом. Он потянулся к приемнику, убавил звук. Странная музыка с элементами попа, хип-хопа и гротескными африканскими мотивами стала глухой и не такой раздражающей.

– Гони, говорю, потише, – фыркнула девушка и постучала кулаком по головке: – Под дурачка «косишь» или действительно дурачок?

Паренек рассмеялся и великодушно ослабил нажим на педаль. Стрелка с отметки «140» сползла на отметку «100». Девушка облегченно вздохнула. Несколько минут назад они проворонили стационарный пост ДПС у Грибанова – пронеслись, как космический корабль мимо мелкого астероида. Им повезло, у поста в тот момент никого не было – весь личный состав находился в будке. Возможно, неподалеку имелась камера видеofиксации, но это уже проблема не Игорька, а его папочки, которому и приходилось за все расплачиваться.

Водитель повернулся к девушке, блеснул белизной зубов:

– Да все нормально, Катюша, машина – зверь, дорога – как в сказке, к морю едем, блин, на целых две недели. . . – Правая рука соскользнула с руля, переплыла через коробку передач и утвердилась на женской коленке. Потом поползла выше, потянула за собой короткую юбочку. Девушка как-то задумалась, но не стала возражать. Пристроила свою руку поверх его руки, чтобы не очень спешил, глубоко и с чувством вздохнула:

– Знаешь, Игорек, не хочется заниматься этим в машине, на обочине, дыша парами бензина. . .

– Принимается, – кивнул паренек. – Нам надо в гостиницу или в мотель. В этой дыре есть мотели? – Он начал напряженно всматриваться. Но за окном все было безнадежно – леса за обочинами, никаких призывных огней, витрин, реклам, лишь иногда дорожные знаки и указатели разнообразили монотонность трассы.

– Вроде Покровское скоро, – напомнила девушка. – Там же есть мотель?

– Точно, – обрадовался парень. – Обещаю, Катюха, через десять минут мы будем лежать в постельке. Достанем из багажника шампусик, свечи, устроим романтическую пятиминутку. . . Эх, хорошо нам, Катюха. . . Жениться, что ли, на тебе? – Он оскалился, давая понять, что шутка не такая уж обидная и в ней имеется доля правды. – Перекантуемся ночью, с утра рванем и к вечеру будем уже в Сочи. Ах, Сочи. . . – мечтательно протянул он. – Дыра, конечно, людей там немерено, к морю не подойти. Но на Огненной горке, где у бати коттедж, такое уединение, такой «Айвазовский» – пальчики оближешь. И никого, кроме нас, целых две недели, представляешь? Никакой физики и математики, никаких проблем современной экономической науки в контексте новых исследовательских направлений! Что хочешь, то и делай. Два этажа, терраса, с трех сторон горы, удобства во дворе. . .

– В смысле? – не поняла девушка.

– Ну, бассейн, сауна, ступеньки к пляжу, – захохотал Игорь. – Мы же не люмпены какие-нибудь. Хотя и не сказать, что батя в деньгах купается, он у меня профессор кислых щей, знаешь ли, не олигарх. И похлебка жидковата, и жемчуг мелкий, гы-гы... Только встать нам, Катюша, надо пораньше, чтобы к вечеру в Сочи успеть. От города больше часа петлять. Не проспять бы. Ладно, будильник заведем.

– Ну, и где твой мотель? – спросила Катя, провожая глазами невнятный лесной массив. – Скоро Покровское. Опять какая-нибудь дыра – четыре дома и заправка с паленым бензином. Где мы едем, Игорек?

– Да бес его знает, – пожал тот плечами. – Из Воронежской области выехали полчаса назад – щит стоял, помнишь? Стало быть, мы в Ростовской. Здравствуй, папа Ростов, все такое. Но до Ростова еще, как до Москвы...

В этот момент и лопнуло левое заднее колесо! «Тойоту» повело на соседнюю полосу, и она едва не зацепила разделительное ограждение. Девушка ахнула, и Игорь вцепился в руль обеими руками. У него хватило выдержки и знаний не выдавливать резко тормоз. Машина виляла по проезжей части, ее трясло, внизу что-то гремело, раздавался скрежет – литой диск царапал асфальт. Слава богу, пронесло! «Тойота» замедляла движение, потом сместилась к обочине и остановилась. Первую минуту оба молчали. Только руки тряслись и кожа покрывалась испариной. Игорь повернулся к Кате и неуверенно улыбнулся.

– Срань святая!.. – выдохнула девушка.

– Спокойно, Маша, я Дубровский! – Улыбка стала еще шире.

– Я не Маша, – жалобно прошептала Катя.

– Да и я не Дубровский, – рассмеялся парень. – Расслабься, подруга, все хорошо.

– Игорек, а что это было?

– Колесо лопнуло, – объяснил он. – Бывает, ничего страшного. Поставлю «запаску», поедем дальше. Утром завернем в монтажку, поставим камеру.

– Ничего не понимаю, – глубоко вздохнула Катя. – Чем был плох самолет? Два часа – и мы в Сочи. Так нет, летим на своих двоих, рискуя жизнью, подвергаемся опасности... И почему, собственно, в Сочи, Игорек? Мы патриоты? Что ужасного в Доминикане, Кубе или, на худой конец, Мальдивах?

– Ну, все, начинается деструктивная критика, – рассердился Игорь. – Куда едем, туда и едем, моя дорогая. А Доминикана или, на худой конец, Мальдивы подождут до Нового года. Мы же не собираемся расставаться? Ладно, сиди здесь, я оценю размер ущерба и величие проблемы.

Девушка и не собиралась никуда выходить. Обняла себя за плечи, демонстративно фыркнула и стала осматриваться. Игорь на всякий случай глянул в зеркало заднего вида – не едет ли кто по соседней полосе (глупость полная, кто там мог ехать?). Не по себе как-то стало, безотчетная тревога пробудилась. Нет, ерунда! Всего-навсего лопнуло колесо, дело житейское, хотя и досадно, конечно. Он покосился на надувшуюся спутницу, выбрался из машины. Потянул носом воздух, прислушался. В окрестностях федеральной трассы было тихо, как на кладбище. Ни встречных, ни попутных. Ни одного осветительного прибора, даже луна зашла за облачко – единственное на всем безоблачном небе! Во мраке отливало асфальт, рельефный отбойник справа от машины. Метрах в сорока начиналась лесополоса – деревья росли по струночке, словно калиброванные. В тишине было что-то неестественное. Игорь поехал – августовская ночь была теплой, но он почувствовал озноб. Закрыл за собой дверь, пошел осматривать повреждение, вынимая смартфон. Отыскал приложение «Фонарик», присел на корточки. Дела действительно были так себе. Шина превратилась в лохмотья, намотанные на диск. На что он мог наехать? Ладно, часть пути можно протянуть и на «запаске», а там будет видно. Пусть у

мастеров автосервиса болит голова. Денег полные карманы, не проблема. Жалко потерянного времени, да бог с ним, две недели кайфа впереди...

За спиной вдруг послышался шорох. И Игорь почувствовал, как похолодела спина. Он чуть не ругнулся – Катка пугает? Сказано же сидеть в машине! Но слова застряли в горле. Телефон выскользнул из руки и упал на асфальт, поднять его не хватило духу. Скосив глаза, он увидел чьи-то ботинки и, хотя ноги сделались ватными, резко поднялся. Какого черта?! В полутора метрах от паренька кто-то стоял. Уж точно не Катюша. Темный силуэт. Человек не шевелился, вместо лица было темное пятно. Так быть не должно, лицо есть лицо, даже в темноте на нем должно что-то проявляться. Он же в маске... – пронзила мысль. Следовало что-то спросить, крикнуть или броситься бежать, но Игорь стоял как вкопанный, не в силах сдвинуться с места.

– Послушайте, какого... – наконец выдавил он и замолчал.

Незнакомец, держа что-то тяжелое, поднял руку – в этот момент показалась луна и очертился ствол, на который был накручен глушитель с антибликовым покрытием. Чужь какая-то, полный абсурд, но кровь застыла в жилах, и волосы зашевелились. Игорь зачарованно смотрел на глушитель и не мог понять, как себя вести.

Последовал суховатый щелчок, пуля пробила грудную клетку на уровне сердца, и он повалился под колеса.

В это время Катя крутила ручку настройки приемника, пытаясь поймать что-нибудь вразумительное. Найденная композиция ее решительно не устроила, потом эфир забил шум помех. Она поморщилась, манерно вздохнула, и вдруг ей послышался странный звук. Девушка вздрогнула. Потом упало что-то, и она, прислушавшись, приоткрыла окно, но ничего не увидела. Тогда Катя выбралась наружу и привстала на цыпочки. В том месте, где, по ее мнению, должен был находиться Игорек, никого не было. Не работал домкрат, не поскрипывал гаечный ключ.

– Игорек, ты здесь? – Голос вдруг стал садиться, и дышать стало трудно. – Игорек, ты, что, прикалываешься? Где ты, мать твою! Довести меня хочешь?

Черт бы подрал этого паршивца! Она с шумом перевела дыхание. Сейчас врежет ему, сейчас он узнает, что такое пугать женщину, на которой собрался жениться (если не врет, конечно)! Сидит там под колесом, подленько хихикает в кулак! Девушка решительно направилась в обход капота. На дороге было темно, и облако, как назло, расплзлось, скрыв луну. Она наклонилась и увидела, что под колесом что-то лежит. Какое-то невнятное рельефное образование. Катя опустила на колени, потрогала лежащее тело, перевернула... Не может быть, мы же не в кино! Безвольно перекатилась голова, обнажились здоровые молодые зубы. Сколько можно прикалываться-то, в конце концов? Рука почувствовала что-то теплое, липкое. Она потеряла пальцы, понюхала, потом опять потрогала. И вдруг до нее дошло – девушка отпрянула, завизжала! Что-то черное, смертельно опасное выскользнуло с другой стороны капота! Резкий звук – передернули затвор. Она покатила по асфальту, испуганно крича. Что-то чиркнуло, выбив кусок асфальтовой смеси, и Катя, вскочив, понеслась прочь! Шевельнулось тело на краю проезжей части – еще один демон перелез через отбойник и вышел на дорогу. Он ждал. Девушка резко остановилась и завертелась на месте. Убийца – тот, что сзади, – раздосадованный бесполезным выстрелом, быстро подходил, вскинул руку с пистолетом. Она присела – и вдруг метнулась рыбкой к отбойнику, перевалилась через него и покатила в кювет. Адская боль пронзила лодыжку! В глазах носились круги, кровь хлестала, как из ведра. Катя поползла, подволакивая поврежденную конечность. Боль уже не имела значения, главное, уйти – лес рядом... И вдруг уткнулась головой в чьи-то ноги. Слово разряд прошел через щуплое тело. Она зарыдала и подняла голову. Над ней возвышался невозмутимый силуэт. Человек был неподвижен. Склонившись, он с любопытством разглядывал девушку.

– Пожалуйста, не убивайте... – прошептала она. – Ну, почему? Что мы вам сделали?

Он вынул пистолет, спустил флажок предохранителя.

– Заклинаю... – бормотала девушка, обливаясь слезами. – Христом-богом заклинаю, не делайте этого... Зачем вы это делаете? Вы же шутите, да?

Он поднял пистолет и выстрелил прямо ей в голову. Мертвое тело повалилось, брызги мозговой жидкости окатили траву. Убийца в маске спрятал пистолет, поднял голову. Рядом с машиной на трассе происходила возня. Несколько человек перетаскивали труп паренька к правому борту, затем бросили между отбойником и распахнутой дверцей. Убийца удовлетворенно кивнул. Действия правильные. «Жмур» не должен мозолить глаза водителям и пассажирам проезжающих машин. Нужно время, чтобы спокойно уйти...

Трупы на трассе в трех верстах от села Покровского обнаружили только утром. Всю ночь мимо места происшествия сновали машины. Стоящая на обочине «Камри» с закрытыми дверями ни у кого не вызвала подозрения. Дважды проезжали сотрудники ГИБДД, тоже не стали интересоваться. В шесть утра неподалеку сделал остановку местный житель, везущий кроликов на базар в Глазов. Старенький «ИЖ-комби» начал чадить, водитель прижался к обочине метрах в тридцати от «Камри» и увидел тело, лежащее между отбойником и «Тойотой».

Патруль примчался через пятнадцать минут. Сотрудники ППС ходили вокруг, чеша затылки, глянули вниз с обочины, присвистнули. Они не стали затапывать место преступления, вызвали специалистов, а сами приняли меры к оцеплению территории. Прибыла оперативно-следственная группа из райцентра Бабаево, расположенного в 46 км севернее по трассе. Подъехали кареты «Скорой помощи», затем криминалисты из второго по численности городка в районе – Глазова, находящегося на той же трассе в 10 километрах к югу. Прибыл на собственном авто судмедэксперт Герберт, усталый пожилой мужчина, страдающий одышкой и излишком веса – он работал в Бабаево, а проживал неподалеку, в Осипове. Криминалисты и эксперт погрузились в работу. Опергруппа прочесывала местность в поисках улик и вещдоков. К девяти утра подкатил со свитой худой и нервный капитан Лосев – начальник отделения полиции в Глазове – и сразу же начал сеять смуту и нервозность в рядах оперативников. Он на четверть часа опередил приезд начальника районного РОВД подполковника Погодина Пал Палыча. Грузный, набыченный подполковник вылез из «УАЗа» и мрачно наблюдал за санитарями, грузящими в машину носилки с крытыми простынями телами. Он был уже в курсе. Сделал знак санитарам, подошел, отогнул края простыней, поморщился и махнул рукой – работайте!

– Куда их? – спросил он у подбежавшего капитана Лосева. Начальника глазовской полиции он не любил – вроде не жулик, но столько от него «вони», нервозности, заорганизованного бардака...

– Пока в районное отделение медицинской криминалистики, товарищ подполковник. – И Лосев начал сумбурно докладывать о проделанной работе.

Погодин с досадой отмахнулся, поманил молодого лейтенанта Любавина – начальника оперативно-следственной группы. Сотрудник был молодой, но способный и не такой беспомощный, как большинство присутствующих. Лейтенант подбежал, небрежно козырнул:

– Доброе утро, Пал Палыч... прошу прощения, товарищ подполковник!

Но вопросы субординации в этот день волновали подполковника в последнюю очередь. На его земле произошло двойное убийство, и вот уже битый час Пал Палыча преследовало тревожное чувство про «первую ласточку». Интуиция подводила редко – грядущие неприятности она чувствовала так же верно, как позвоночник перепады погоды.

– И это утро ты называешь добрым? – кивнул он на пытящих у «труповозки» санитаров.

– Любое утро доброе, товарищ подполковник, если абстрагироваться от мрачной реальности, – «сумничал» подчиненный.

– Чего? – не понял начальник РОВД.

– Вы правы, Пал Палыч, утро ужасное, – вздохнул Любавин. – И преступление выглядит странно. Погибшие – Пирогов Игорь Денисович, 20 лет, и Ринер Екатерина Дмитриевна, 18 лет. При них паспорта со столичной регистрацией. Мы навели справки, связались с родственниками. У парочки типа любовь, обдумывали женитьбу. Пирогов – студент 4-го курса экономического факультета МГУ, Ринер перешла на второй курс Высшей школы экономики – название факультета какое-то мудреное, связано с математикой и анализом. Отец у Пирогова – видный профессор МГУ, мать – домохозяйка, денег на безбедное существование хватает. У Ринер родители занимаются коммерцией, держат фирму по продаже электроники. С криминалом потерпевшие не связаны – во всяком случае, по базам не проходят. Обычные студенты. Рискну предположить, что вполне законопослушные люди. Ехали на море, в Сочи – там сейчас самый пик сезона. – Замотанный делами лейтенант сокрушенно вздохнул: – Машина – папина, дачка в Сочи – тоже папина...

– Какой-то бодрый ты сегодня, Олежек, – с подозрением заметил Погодин. – Футбол не смотрел, что ли, ночью? Наши с Португалией играли.

– Не смотрел, товарищ подполковник, – усмехнулся Любавин. – Футболом интересуюсь в той же степени, что и игроки нашей сборной. Не понимаю, как можно гробить ночь перед рабочим днем. Достаточно утром узнать неутешительный счет и идти на работу... – Он иронично покосился на членов опергруппы, ползающих по месту преступления, как сонные мухи. Ненавистная команда, разумеется, проиграла.

– Что произошло, лейтенант?

– Мы пытаемся смоделировать ситуацию, товарищ подполковник. Пока получается следующее. Эти двое ехали, никого не трогали. Посмертные фото переданы в ГИБДД, их сотрудники уже проехали по трассе. Они действительно направлялись на юг со стороны столичного региона. Примерно в полночь заправились на АЗС «Лукойл» на южном выезде из Бабаева. Работник заправки их запомнил. У ребят было хорошее настроение, они шутили, девица подтрунивала над парнем. Заправили полный бак, купили продуктовую мелочь, напитки...

– В полночь, говоришь? – недоуменно переспросил подполковник. – Тебе не кажется это странным? От той заправки до места преступления сорок с хвостиком километров. Даже если ползти с черепашьей скоростью, а вряд ли «Камри» ползла с черепашьей скоростью...

– Согласен, Пал Палыч. Они заправились, купили продукты, вряд ли останавливались где-то еще. Самое позднее – через полчаса, то есть в половине первого, они должны были быть здесь. Видимо, так и было.

– Тогда почему их обнаружили только утром? – возмутился Погодин.

– Понимаю ваше возмущение, Пал Палыч. Сам не в восторге. Одно тело лежало за машиной – проезжающие водители его не видели, второе – и вовсе в канаве. Хорошо хоть этот дедуля в шесть утра его засек... «Камри» ехала, как ни в чем не бывало. Стреляли, видимо, из-за отбойника на восточной стороне дороги. Пропустили машину и ударили из «Винтореза» по колесу. В протекторе застряла пуля 9-го калибра СП-5. Это бесшумная снайперская винтовка для подразделений спецназа. Возможно, винтовка оснащена прибором ночного видения. Били по заднему колесу, чтобы машина не ушла в занос. Специалисты осмотрели тормозной след – подстрелили ее метрах в ста отсюда. Пирогов сумел остановиться, прижался к обочине. Решил, что обычный прокол. Вышел, отправился ставить запаску. Ринер оставалась в машине. Кто-то подошел, всадил парню пулю в сердце. Гильзу от «ПМ» даже не удосужился поднять. Возможно, пистолет был оснащен глушителем. Судя по следам пороховой гари на трупке, стреляли с близкого расстояния – почти в упор. Следы крови – у заднего левого колеса, там и убили парня. Потом оттащили тело, чтобы не мозолило глаза, а у убийц было время спокойно уйти. Девушка среагировала на шум, вышла из машины, проявила проворность, когда в нее стали стрелять, – еще одна гильза и выщербленный асфальт. Она наклонялась над трупом, ощупывала его – на асфальте остался след окровавленной пятерни. Видимо, бросилась к отбойнику,

упала в канаву. Но падала неловко, сломала ногу – там все в крови. Подошел убийца, выстрелил в голову...

– Но зачем? – поморщился Погодин. – Зачем убивать, если можно и так ограбить?

– А кто сказал, что их ограбили? – удивился Любавин. – Я такого не говорил. Все на месте – часы, бриллиантовые сережки в ушах Ринер, золотое колечко неплохой пробы. Сумка парня набита деньгами – порядка ста тысяч рублей, ничего не взяли. Деньги в карманах, в женской сумочке – тоже все цело. Дорогие телефоны, документы, вещи в багажнике – их сумки даже не вскрывали, не говоря уж про машину представительского класса. Просто убили и ушли.

– Ничего не понимаю, – потер лоб подполковник. – Ты же говоришь, они не связаны с криминалом.

– И тем не менее, товарищ подполковник. Не били, не глумились, не насильовали. Скажу больше – убийц было несколько, и они хорошо подготовились.

– К чему? – начал раздражаться Пал Палыч. – К ликвидации первых встречных? Такого не бывает, лейтенант. Это абсурд!

– И все же это произошло, – со вздохом резюмировал оперативник. – Готов поклясться, товарищ подполковник, убивали именно первых встречных. То есть тех, кто первым проедет по трассе после того, как они приготовились и вышли на позицию. А если и не первых встречных, то все равно незнакомых. Увидели, что едет хорошая машина, в салоне двое... Мне жаль, товарищ подполковник, данное происшествие наносит удар по вполне приличной отчетности управления за третий квартал... – участливо добавил лейтенант.

– Ладно, не издевайся, – вспыхнул Погодин. – Какие есть идеи? Что еще нарыли?

– Преступники оставили следы, но это форменное издевательство, товарищ подполковник. То ли обувь со стертymi подошвами, то ли бахилы или что-то подобное... К сожалению, у них имелась огромная фора, они спокойно сделали свое дело и ушли. Движение на трассе после полуночи практически нулевое, поэтому нам пока ничего не известно о свидетелях и очевидцах. До Покровского отсюда три версты, до Осипова – пять. Других населенных пунктов в округе нет. Но много второстепенных примыкающих к трассе дорог. Будем копать на предмет полуночного автомобильного движения... Следы исчезают вон там, – показал рукой на лесополосу Любавин. – За деревьями перед полем проходит щебеночная дорога. Ей почти не пользуются, слишком изрыта, из Покровского в Грибаново автомобилисты ездят объездным путем. Если преступники «засветились» на этой дороге, значит, у них проходима машина с высоким клиренсом. Это пока все, товарищ подполковник. Результаты экспертиз – судебно-медицинской, баллистической – будут позднее, но не думаю, что ожидаются сюрпризы. Скоро придут родственники потерпевших – к этому надо как следует подготовиться. Уверен, что у профессора МГУ имеется пара-тройка связей, что может раздуть миф о нашей полной несостоятельности...

– Да мне плевать! – побагровел подполковник. – Я не могу на каждый метр трассы ставить постового в ночное время! Это дело ГИБДД, пусть они и расхлебывают! В общем, так, лейтенант, не будем рвать задницы, но и сидеть сложа руки не стоит. Сегодня 6 августа, не позднее 9-го вы должны выйти на след преступников. Работайте. Искать свидетелей, транспорт, на котором прибыли преступники, – не пешком же они пришли. Еще раз изучить следы, привлечь кинологическую службу. Проработать оружие, из которого совершено преступление, – оно могло «засветиться». Все подозрительное немедленно отрабатывать. Всех не местных, по ряду причин оказавшихся в нашем районе, – «на карандаш». Хотя, черт их знает... уже сегодня или завтра эти убудки могут всплыть в другом районе. Все равно работать, Любавин. Можешь докладывать в любое время. Сам-то что об этом думаешь? Что за хрень? Это может быть связано с тем?.. – многозначительно кивнул он в сторону лесополосы.

Жест, очевидно, следовало толковать в широком смысле. До границы с Луганской областью было 70 километров. В августе 2014-го мятежный Донбасс с переменным успехом отбивал

атаки украинской армии, и щепки от этой «рубки леса» летели во все стороны. Ходили слухи об украинских диверсантах, орудующих на российской территории. Никто их в глаза не видел, диверсий не отмечали, но слухи росли, как на дрожжах, и порой, судя по молве и байкам из Интернета, складывалось мнение, что война давно перешагнула через украинскую границу. На самом деле было не так, на сопредельных с Украиной территориях царили мир и спокойствие.

– Не думаю, что это связано, Пал Палыч, во всяком случае, напрямую. Тут что-то другое... Предчувствия неприятные. Неспроста это. Не хочется думать, что нас поджидает, гм, ужас года, но... в общем, не по себе от случившегося.

– Ладно, Кассандра недоделанная, работай, – раздраженно отмахнулся Погодин. – Предчувствия у него, видите ли. У всех, мать его, предчувствия... И чтобы о первых результатах доложил уже сегодня вечером.

Лейтенант Любавин не зря был назначен начальником следственно-оперативной группы – взамен уволенного капитана Тютина. В числе его достоинств была не только нелюбовь к футболу. Молодой, но уже грамотный, честолюбивый, не имеющий привычки пакостить, фальсифицировать дела, мухлевать с уликами. Допросы с пристрастием он тоже не любил, старался избегать подобного рода следственных действий. Он еще не разочаровался в отечественной правоохранительной системе, сохранял помимо амбиций какие-то иллюзии, и начальство по мере сил старалось их лелеять, чтобы не лишиться толкового работника. Впрочем, трудоголиком он не был, мог выпить с друзьями, любил поспать. Но не сегодня. Ближайшие сутки выдались муторными. Двойное убийство на трассе выглядело абсолютно немотивированным, и это обескураживало, поскольку отвергало основной отправной пункт, на котором держится любое следствие: КОМУ ВЫГОДНО? Оперативники копали весь день, сбивались с ног. Их было только пятеро на весь район, и не сказать, что большинство из них обладало колоссальным опытом. Снова ползали по следам, выискивали забытые преступниками вещи, окурки. Такое впечатление, что они столкнулись с опытным и бывалым противником. Эти люди либо не курили, либо унесли окурки с собой. А ведь они обязаны были сидеть в засаде, координировать действия!

Прибыл кинолог с собакой – овчарка неуверенно довела сыщиков до щебеночной дороги, села и пристыженно потупилась. Отпечатков пальцев на месте преступления не осталось. Разработка оружия ничего не дала – не проходили по базам подобные «ПМ» и снайперские «Винторезы». Ни свидетелей, ни очевидцев. Складывалось впечатление, что работали призраки.

Поставили «в ружье» всех проституток, работающих на трассе, у заправок и торговых центров. Путаны охотно делились информацией – никому не хотелось обрести «запрет на профессию». Информации было море – о хамах-клиентах, о бесконечном потоке россиян, проезжающих по трассе, о конкретно криминальных элементах, концентрация которых на юге гораздо выше, чем на севере. Девушки жаловались на тяготы работы, на обманы, издевательства, избиения. Опера выслушивали их с тоской, а потом ругались на перекурах – полная лажа! Если преступники серьезные (а это так) и стараются избегать рекламы, то при чем здесь путаны?

Ближе к вечеру подробности происшествия просочились в Интернет. Пользователи смаковали детали (которых не знали), обливали грязью полицию – теперь и по дорогам ездить нельзя, даже там убивают! А полиция и не чешется, свои дела делает!

На всякий случай все районное управление находилось на рабочих местах. На ключевых участках трассы появились патрули ГИБДД (хоть не в парадной форме). У стационарного поста ДПС напротив Грибанова кипела работа: прохаживались инспектора с автоматами, тормозили машины и придирчиво проверяли документы. Последовал окрик из областного управления МВД: что за хрень у вас? Немедленно расследовать дело! Областная ГИБДД спустила директиву в Бабаевский район: усилить, ужесточить, выявлять! Похоже, профессор МГУ надавил на свои рычаги. Подполковник Погодин получил порку из области, и лишь лошадиная доза

коньяка уберегла от преждевременного инфаркта. Пришлось хлебнуть и лейтенанту Любавину, когда аналогичная порка последовала от районного начальства.

К вечеру в район прибыли родственники потерпевших. В здании морга районного бюро судмедэкспертизы стоял душераздирающий вой. Седовласый мужчина с благообразным брюшком поддерживал рыдающую женщину – она фактически теряла сознание. С родственниками убитой девушки все было наоборот. Отцу стало плохо, мать давала ему нашатырь, кормила корвалолом. Благообразный мужчина орал в кабинете Погодина – грозился дойти до главного областного «копа», всех построить в министерстве – уволить (через тюрьму) всех бездельников, начиная с «мерзавца» Погодина! Может, хоть другие начнут заботиться о судьбе граждан своей страны! И что за грязь в морге, что за запахи? Почему его единственный сын должен лежать в этом заплеванном гадюшнике, укрытый занюханной простыней, под которой уже семеро лежали?!

Это было форменное безумие. Вонь пошла за пределы района. И, видимо, не одному сотруднику управления пришла в голову мысль: а что тут начнется, если повторится нечто подобное?

Глава вторая

Утро было сизым и туманным. Пять утра – небо начинало сереть, но ночь еще сопротивлялась, не спешила сдавать позиции. Вдоль трассы постепенно появлялась бледная видимость, но ее тушевали расплзающиеся по округе завихрения тумана. Они скапливались над проезжей частью, штриховали деревья за обочинами, окутывали «избушку на курьих ножках» – стационарный пост ДПС, расположенный в тридцати километрах к югу от райцентра – напротив села Грибаново. Зевающий инспектор прохаживался взад-вперед. Коротышка-автомат покоился на груди, затворная рама холодила пальцы. Инспектору было не по себе. Временами он озирает прячущиеся в тумане лесополосы, прислушивался. Он был в курсе произошедшего позапрошлой ночью, и в этой связи почти не спал последние сутки – начальство не давало. Личный состав недоумевал – какое отношение автоинспектора имеют к преступникам, стреляющим из леса? Это дело ППС, ОМОНа, СОБРа, спецназа – тех структур, которых в округе почему-то не видно. Начальству, должно быть, виднее...

Хлопнула дверь, по лестнице спустился напарник, потащился к машине ДПС, стоящей на парковке, и, забравшись в салон, включил приемник. По противоположной стороне дороги – на север – проехала машина с горящими противотуманными фарами. Скоростной режим она не нарушала – инспектор это мог определить «на глазок». Кому придет в голову его нарушать, если за двести метров до поста расположен знак, извещающий о приближении к нему?..

С севера показалась еще одна машина. Эта тоже шла медленно, продираясь через хлопья тумана. Вспомнился анекдот из 90-х: гаишник в городе останавливает «Мерседес», идущий со скоростью 60 километров в час, и строго спрашивает: «И куда это мы плетемся?»

Инспектор вышел на обочину, поднял палку. Ничего интересного не произошло. Водитель послушно прижался к обочине, вылез из машины с протянутыми документами, хотя никто его об этом не просил. Белая «Дэу Нексия», «странствующее» семейство, с документами все в порядке, с машиной тоже. Придраться не к чему, да особо и не хотелось. Нормальная малоимущая семья. Мужик – обычный, лет тридцать пять на вид, спиртным не пахнет. Инспектор нагнулся, осветил пассажиров. Мать семейства – симпатичная, одного возраста с мужчиной. На заднем сиденье два отпрыска: мальчик лет десяти и девочка лет тринадцати. Пацан шурился, тер заспанные глаза. Девочка зевала, на ее лице было нарисовано недовольство этой жизнью в целом, а также родителями и вредным инспектором – в частности.

– Все в порядке, граждане? – дежурно поинтересовался инспектор.

– А что, предлагаете явку с повинной? – встрепенулась девочка. А когда инспектор нахмурился, манерно вздохнула: – Ну, все, поздняк метаться.

– Елизавета, прекрати! – возмутилась женщина. – Что ты себе позволяешь? Господи, как меня уже достал этот добренький папа... Простите ее, инспектор, Елизавета не выспалась, вечно всем недовольна, а язвит она давно – с тех пор, как начала говорить.

– Детей можно понять, – строго проговорил тот. – Время спать, а вы их куда-то везете.

– Что значит куда-то? – не понял мужчина. – Мы из Воронежа, едем погостить в Новороссийск к моему брату. Заночевали в Бабаеве – там есть специальный семейный мотель. Детям было ясно сказано: ложитесь в девять, потому что в четыре встаем. Только так мы к обеду доберемся до Новороссийска. Сами виноваты...

– Ладно, это ваши дела. – Инспектор небрежно козырнул: – Счастливого пути! Будьте осторожны.

Водитель плавно отъехал от обочины и, облегченно вздохнув, начал разгоняться.

– Витя, только не гони, – предупредила женщина.

– А я когда-то гнал? – удивился супруг. – Настюша, я никогда не ездил больше восьмидесяти, ты же знаешь.

– По-твоему, это мало?

– Боже, какой отстой... – с тоской пробормотала девочка-подросток. – Боюсь представить, что нас ожидает в Новороссийске...

– Елизавета, когда ты научишься себя вести? – чуть не хором воскликнули родители. А муж добавил с наставительными нотками: – И начнешь понимать, что деликатность – это не только режим в стиральной машине?

– Она и этого не знает, – отмахнулась мать. – Она понятия не имеет, как стирается и гладится ее одежда. При чем тут ее мама – прачка, техничка и посудомойка, которая между делом еще и на работу ходит?

– Ой, мам, не начинай... – простила девочка. Она вертелась, гнездилась на заднем сиденье, отталкивая младшего брата, который тоже без устали зевал. – Слушайте, вы пока езжайте, куда вам надо, а мы с Васькой поспим, о-кей? А то опять начнете свое нытье...

– Ты могла бы выспаться, – укорил отец, – время было.

– Слушай, пап, ты всерьез считаешь, что я могу уснуть в девять вечера? В зловещем странноприимном доме под названием «мотель», на сырых простынях, под стоны соседней за картонной стеной, которым приспичило заняться долгим-предолгим сексом?..

– А что такое секс? – спросил мальчик.

– Так, сменим тему, – встрепенулась мама.

– Охотно, – обрадовалась девочка. – Объясните мне, если, конечно, существует разумное объяснение, почему мы должны быть в этом чертовом Новороссийске именно к обеду?

– Потому что твой папа так обещал дяде Толе, – не очень уверенно ответила мама.

– Я так и знала, – победно заявила девчонка. – Нет разумного объяснения. Ладно, давайте спать.

Самообладанию отца можно было позавидовать. Он вставил в щель приемника какой-то диск и с улыбкой повернулся к детям:

– Ну, что, народ, поскущели вы что-то. Поднимем настроение?

– Не надо, – ужаснулась дочь, – пусть валяется. Пап, ну, пожалуйста...

– Мам, пап, я в туалет хочу... – захныкал мальчишка. – Ну, правда, очень в туалет хочу, давайте остановимся...

– О, боже! – воскликнула девочка. – Василий Викторович, будьте человеком, так мы и к вечеру не доедем до ближайшего Мухосранска.

– Ну, хочу... – ныл ребенок. – Давайте остановимся...

– Васек, прекращай! – начал раздражаться папа. – Здесь нельзя останавливаться. Ты ходил в туалет в мотеле. Потерпи еще 15 километров, приедем в Глазов, там и сходишь. Ты же мужчина, Васек, научись терпеть.

Ребенок продолжал канючить, но уже как-то по инерции. Вскоре он успокоился, и в салоне воцарилась тишина. Монотонная езда укачивала, слипались глаза. Проплыл парковочный карман со знаком «Р» и единственной машиной в кармане – с символикой дорожно-постовой службы. Два инспектора исподлобья уставились на ползущий «семейный» автомобиль, проводили его глазами. Останавливать такое авто они, видимо, посчитали ниже своего достоинства. Отец семейства снова расслабился, буркнул что-то под нос.

– Почему их так много в этом районе? – пожал плечами женщина. – За Бабаевом мы видели гаишников, потом эти, плюс еще те, что нас остановили... Странно... – задумалась она. – И почему он нас предупредил, чтобы были осторожными? Мы похожи на людей, которые несутся, сломя голову?

– Может, из-за близости Украины? – предположил мужчина.

– Родители, вы совсем темные, – фыркнула девочка. – Везде передавали – и в новостях, и в Интернете. Вы пещерные люди, право слово. Убийство произошло ночью 6 августа – почти в том месте, где мы сейчас едем. Бабаевский район Ростовской области, окрестности

села Покровского... Мажор из Москвы свою подружку на море вез – «бандосы» колесо прострелили, а потом убили всех... Не прикалываюсь, честное слово, это во всех новостях было. Полиция сказала, что, типа, обязательно поймают преступников, и ничего не делает...

– О, господи, ребенок, ты зачем такое слушаешь? – ужаснулась мать. – Витюша... – Она как-то нервно передернула плечами: – Почему мы не поехали другой дорогой? Может, ты прибавишь скорость?

– Женщины, не сейте панику, – рассмеялся водитель. – Вы говорите о другом мире, существующем параллельно нашему, и они никогда не пересекаются. Доедем, не бойтесь. Как говорил один небезызвестный киноперсонаж, «Лёлик, сядем все». Какого, говоришь, числа это было? Шестого? А сегодня какое?

– Уже восьмое, – проурчала девочка. – Ладно, вы меня уже достали, дайте поспать.

– А я в туалет хочу, давайте остановимся... – вновь завел жалобную песню сынишка Вася. – Правда, теперь хочу...

Машина вдруг резко вильнула – словно под ней образовалась корка льда! Женщина, ахнув, схватилась за ручку над головой. Супруг чертыхнулся, вцепился в руль. Машина заби-лась, затряслась, но он смог удержать ее на дороге – это было несложно при такой скорости, остановился на полосе и включил аварийную сигнализацию.

– Витенька, что случилось, что это было? – Испуганная женщина вцепилась ему в руку.

– Ничего себе, в натуре... – как-то настороженно пробормотала девчушка. – Слушай, пап, подо мной, по ходу, колеса уже нет...

– Успокойтесь, все в порядке. – Мужчина говорил преувеличенно бодрым голосом. – Дело рядовое, наехали на гвоздь или еще куда, прокололи колесо, с кем не бывает?

– Витенька, а мы, правда, только колесо прокололи? – Женщина сильно нервничала, кусала губы.

– Все хорошо, сейчас сделаю. – Супруг выбрался из машины, помялся, раздумывая, с какой стороны лучше ее обойти, отправился в обход капота. – Ну, точно, – слышался его глухой голос, – резина лопнула, запаску надо ставить.

Он вернулся, открыл багажник, воспользовавшись рычажком под сиденьем, снова убежал. Поскрипывала крышка багажника, он сдвигал вещи, чтобы освободить доступ к запаске и домкрату.

– Ура, в туалет! – обрадовался пацаненок и выкатился из машины.

– Куда, Василий? – Сестра не успела схватить его за шиворот – он пулей пронесся мимо отца, колдующего с запаской, обогнул машину и кинулся к столбику отбойника, чтобы справиться с нуждой.

Мать испытывала беспокойство. Несколько раз она порывалась выйти из машины, хваталась за ручку, потом передумывала. Поскрипывал домкрат. За окном по правому борту плавала предутренняя дымка, за которой трудно было что-то различить. В тумане что-то возилось, колыхалась согнутая спина отца. Василий мерцал возле столбика.

– Отец и сын, блин, – хихикнула сестрица. – Святого духа не хватает.

– Я давно собиралась с тобой поговорить, Елизавета, – со строгим видом повернулась к ней мать. – Ты ведешь себя самым неподобающим образом. Отец добрый, мне – некогда. Дома – ладно, там мы притерпелись к твоим выкрутасам, но сейчас мы едем в гости, к приличным людям. Мы не хотим там сгорать от стыда и постоянно испытывать желание пороть тебя как сидорову козу. Ты большая девочка и должна понимать, что такое хорошо, а что такое плохо. В общем, я хочу тебя в последний раз предупредить...

– Мама, твоя речь на 80 процентов состоит из воды, – перебила ее девочка. – Я это слышала не раз и давно поняла, что ты хочешь сказать. Я, кстати, не виновата – чем удобряли, то и выросло. Подожди... – сменила она вдруг тон. – Ты слышала шум? Кажется, что-то упало...

Обе прильнули к окнам. Женщина почувствовала, как неприятно екнуло сердце, а в горле запершило. За окном клубился туман. По-видимому, трасса опустилась в низину, и здесь концентрация тумана была сильнее, чем на возвышенностях. Небо светлело, но видимость была отвратительной. Домкрат уже не скрипел, было тихо и глухо, как в танке.

– Там лежит что-то... – дрогнувшим голосом прошептала девочка.

Господи, кто там может лежать? Зачем они остановились? Надо было ехать на спущенном колесе! Это же мистический туман, рождающий чудовищ! Голова плохо работала, кружилась, как веретено, пальцы рук теряли чувствительность. Женщина открыла дверь, стала выбираться. Она еще не вышла, не успела разогнуть ноги, как из тумана что-то выросло, стало приближаться. Человеческая фигура, маска на лице... Это был точно не «святой дух»! Она хотела закричать, но ее бесцеремонно толкнули, и она упала обратно на сиденье, ударившись затылком о дверную раму. От боли голова обрела ясность. Что там говорила дочь о позавчерашнем убийстве на дороге? Крик застрял в горле, когда человек перегнулся через проем и, внимательно глядя ей в глаза, поднял пистолет, черная дырочка ствола смотрела ей четко в лоб. За что? Василий, Елизавета! Последние мысли были о детях. Она увидела слабую вспышку, и мир разлетелся вдребезги вместе с затылочной костью...

Девочка вскрикнула, хотела выбраться через правую дверцу, но дверь не открывалась, ей что-то мешало. Она перекатилась по сиденью к левой дверце, надавила на нее всей массой, выпала на улицу, но ее тут же схватили за шиворот и швырнули обратно на сиденье. Что-то сухо хлопнуло, она почувствовала страшную боль в боку и стала проваливаться между сиденьями. Прозвучал второй хлопок...

Убийца сунулся внутрь, проверил, все ли сделал правильно. Подогнул ноги девочки, торчащие наружу, захлопнул дверцу. Нужно было спешить. С севера приближалась машина – свет противотуманных фар пытался прорезать туман...

На этот раз о происшествии сообщили быстро. Экипаж ДПС проезжал по встречной полосе, и один из инспекторов заметил стоящую на противоположной стороне машину. Ее тонировал туман, дверцы были закрыты. Возле машины никого не было. В принципе обычное явление, никому не возбраняется стоять на обочине. Но в том и дело, что машина стояла не на обочине, а на первой полосе, предназначенной для движения. Поблескивали огоньки аварийной сигнализации.

– Останови, – сказал он напарнику, – сбегая, гляну.

– Зачем? – пожал тот плечами. – Мы, что, теперь из-за позавчерашнего ЧП будем проверять все машины?

– Останови, говорю, – упорствовал первый. – Если все в порядке, поедem дальше. – Он был еще молодой, не вжился во все особенности несения государственной службы. Не осознал еще, что здоровая лень – такая же неотъемлемая часть работы, как полосатый жезл и примерное знание ПДД.

Водитель пожал плечами, прижался к обочине, а когда товарищ покинул машину, тоже выбрался наружу и на всякий случай подтянул поближе выданный начальством «АКСУ». Молодой инспектор перебежал дорогу, перелез через барьер, разделяющий встречные полосы. Стало как-то не по себе, словно к ногам привязали гири. Светало, но движение пока не уплотнилось. Он засеменил к машине, решив от греха подальше расстегнуть кобуру. Двигатель «Дэу» был выключен, работала аварийная сигнализация. Водительское место пустовало. Когда инспектор заглянул в окно, ноги его подкосились, а в горле образовался спазм. Он выдернул пистолет, перевел дыхание и двинулся в обход капота, держа пистолет в вытянутой руке. Увиденное повергло в полную протрацию. Туман еще не рассосался, но вблизи все было видно отчетливо. Инспектор бросился к маленькому тельцу, которое лежало недалеко от мертвого мужчины, опустился на колени, перевернул и, отшатнувшись от него, как от прокаженного,

вскочил на ноги. Хотел крикнуть, позвать товарища, но рвота хлынула из горла – едва успел согнуться...

Не прошло и получаса, как место преступления оцепили. Для проезда транспорта в южном направлении осталась одна полоса. Повсюду стояли полицейские машины, автомобили ДПС. Движение уплотнялось, создавалась пробка. Любопытные водители выходили из машин, лезли через ограждение. Сотрудники ППС отгоняли их, не стесняясь в выражениях. Шок прошел, служебные обязанности никто не отменял. Работали те же опера, те же криминалисты, снова охал и вздыхал упитанный медэксперт Герберт. У места происшествия начиналась неприличная давка. Кто-то из начальства сообразил – фотографии отработали, криминалисты тоже сделали свое дело, какого дьявола вы тут создаете рекламу?! «Дэу» отогнать на обочину, тела до прибытия машины из морга сложить там же, и укройте их, ради бога, чем-нибудь! Снова метался капитан Лосев из Глазова, нервничал пуще прочих, отдавал противоречивые приказы. Одну из полос, худо-бедно, освободили, и затор на дороге начал рассасываться...

Подполковник Погодин в этот пятничный день 8 августа с раннего утра убыл на совещание в ростовское управление МВД, там ему и сообщили ошарашивающую новость. В принципе Пал Палыч был готов к такому повороту. Интуиция за тридцать лет службы выработалась отменная. И все же удар был чувствительный. «Подполковник, что творится в вашем районе?! – орало областное начальство. – Марш в район, и чтобы проблема была снята!» Лишь к одиннадцати утра пригорюнившийся начальник РУВД прибыл на место происшествия. Трупы уже увезли, уехали криминалисты и грузный эксперт Герберт. Опергруппа и сотрудники ППС продолжали работать, ища иголку в стоге сена. Даже к низовым работникам пришло понимание, что после второго ЧП все становится серьезным, на тормозах не спустишь, и геморрой заработали качественный.

Гнев начальства был мощен, но не долгов. Капитан Лосев благоразумно испарился, и все шишки посыпались на лейтенанта Любавина – невыспавшегося, взмокшего, вконец замордованного. Его ведь предупреждали! Дело должно быть расследовано в кратчайшие сроки, виновные найдены и обезврежены! А что мы видим? Виновные не только не найдены, но и продолжают терроризировать граждан!

– Так увольте меня, товарищ подполковник, – устало проговорил лейтенант Любавин, – и всем сразу станет хорошо, преступники найдутся, и показатели района взлетят на недостижимую высоту. Наша группа не спит двое суток, роет район и окрестности, ищет хоть какую-нибудь зацепку. Вы сами знаете, сколько у нас людей и какая у них квалификация. Да какая бы ни была – к работе следует привлекать не пять человек, а большую группу из оперов и следователей. Теперь мы видим, что образуется система – первое место преступления от второго отделяют всего восемь километров...

– Ладно, прости, Олег, – проворчал Погодин. – Ты тоже меня пойми. Я получил пистон от начальства – за бездействие, за халатность, неспособность работать в сжатые сроки. И теперь такой же пистон должен вставить тебе.

– Я понял, Пал Палыч, – кивнул Любавин. – Следуя данной логике, я должен морально уничтожить свою группу – и тогда появится результат.

– Ладно, не принимай близко к сердцу. Докладывай.

– Повторяю, товарищ подполковник, образуется система. В районе орудует банда, совершающая немотивированные убийства на дороге. Эти люди – специалисты. Работают, не оставляя следов. Просто убивают и уходят. Им без разницы, кого убивать – мужчин, женщин, детей... Мы снова попробовали восстановить события. Преступление произошло после пяти утра. «Дэу» остановили на стационарном посту у Грибанова. Скоростной режим водитель не нарушал, зачем остановили, непонятно. Но тем не менее. Семья Строгановых в количестве четырех человек направлялась из Воронежа в Новороссийск, к родственникам мужа.

– Из Воронежа? – поморщился Погодин.

– Так точно, товарищ подполковник. Отсюда делаем вывод, что они никак не связаны с погибшими ранее Пироговым и Ринер. Цель убийств по-прежнему не ясна. Возможно, запугивание населения, расшатывание ситуации...

– О, боже, почему в нашем районе? – простонал Погодин и сплюнул на асфальт. – Теперь мы крайние, все шишки на наши головы... Ладно, не обращай внимания, повествуи.

– Мы выяснили личности потерпевших. Строганов Виктор Афанасьевич, 35 лет, супруга Анастасия Игоревна, того же 79-го года рождения, и двое детей – мальчику 10 лет, девочке 13...

– Даже детей не пощадили? – содрогнулся подполковник.

– Эти существа без жалости, Пал Палыч, – удрученно констатировал Любавин. – Даже не звери – какие-то бесчувственные роботы. Звери бы глумились, насиловали, грабили. А эти убивают первых встречных и уходят, им безразлично, кого убивать. Инспектор Ливанов, остановивший их на стационарном посту, не заметил ничего подозрительного. Обычная семья. Встали рано, чтобы к обеду добраться до Новороссийска. Девочка ворчала – обычный ребенок, протестующий против «произвола» взрослых. Симпатичная женщина, муж, довольный, что инспектор не стал придирается, заспанный сын... Мы проверили, действительно проживают в Воронеже. Строганов владеет торговой точкой по продаже бытовой химии, супруга – экономист. Действовала та же банда, что позавчера. Вряд ли это имитаторы, к чему имитация? Они проехали от поста два километра, когда попались на глаза другим инспекторам – Ганевичу и Василевскому. Ганевич не стал их останавливать, водитель ничего не нарушал. Обычное семейное авто. Когда он узнал, что случилось с ними через три километра, парень страшно расстроился. Чуть не плакал – мол, почему не остановил?..

– Да, Олег, все тогда пошло бы иначе, – проворчал подполковник, – убили бы кого-нибудь другого...

– Хорошо, что вы это понимаете, товарищ подполковник, – вздохнул опер и продолжил: – Работали по старой схеме. Выстрел в колесо, но теперь по правому борту. Мужчина остановился, вышел поменять колесо. За ним выбежал мальчонка, чтобы справить нужду. Их убили первыми. Стреляли в головы. Потом окружили машину, в упор расстреляли женщин... У жертв все на месте – деньги, телефоны, ювелирные изделия. У женщины в сумочке дорогой айпад. Ни окурков, ни отпечатков пальцев. Те же невразумительные следы – словно обувь чем-то обвязывали или натягивали на нее галоши с гладкими подошвами. Следы потерялись на дороге за лесом. Та же история – щебенка, круговерть проселочных дорог, где следы их шин сливаются с прочими. Действовали несколько человек – от трех до пяти. Трое – это минимум. Люди работают, товарищ подполковник. Что бы ни думали, они работают. Мои ребята двое суток не были дома и почти не спали. Прорабатываем все версии, ищем свидетелей, составляем списки прибывших в район компаний и наводим о них справки. К сожалению, не хватает людей, чтобы отследить всех подозреваемых. Это какие-то призраки, товарищ подполковник. Невидимки, их никто не видит...

– Плохо ищите, – проворчал Пал Палыч, – оттого и невидимки. В Воронеж сообщили?

– Так точно. Тамошние органы должны известить родственников. Временно тела находятся в морозильнике отделения медицинской криминалистики. Экспертиза будет готова позже. Но уже с уверенностью можно сказать, что использовалось то же оружие – пистолеты «макаров» и «Винторез». Те же отпечатки на гильзе от удара бойка о капсюль. Назревает вопрос, товарищ подполковник: что делать с трупами? Их количество угрожающе растет. Родные первых жертв требуют тела своих детей – для транспортировки на родину и погребения. Стоит ли их держать у нас, Пал Палыч? Это не способствует стабилизации ситуации в районе. Профессор МГУ превращается в вурдалака, он скоро дойдет до министра МВД...

– Пусть отдадут, – бросил Погодин, – не нужны нам эти «головняки». Давай честно, лейтенант, с чем мы столкнулись?

– Мы столкнулись с серийными преступлениями, – не стал юлить Любавин. – Бандиты не успокоятся на достигнутом. Интернет уже кипит. Полицию смешали с грязью – доходят до того, что обвиняют правоохранительные органы в попустительстве и даже в соучастии в преступлениях. По какой-то причине эти твари выбрали наш район. Преступления будут продолжаться, Пал Палыч, как бы отвратительно это ни звучало. Мы будем работать, но мы физически не способны перекрыть весь участок дороги. Бабаевский район – это 56 километров трассы «Дон» между Бабаевом и Глазовом, семь верст от границы Воронежской области до Бабаева и две версты от Глазова до Мигулинского района. Я не настаиваю, что преступления будут совершаться лишь на нашем отрезке магистрали, но мы должны быть к этому готовы.

– Замечательно! – поморщился начальник РОВД. – Мы заранее знаем, что убийства будут продолжаться, но при этом умываем руки.

– Не совсем, товарищ подполковник. Мы работаем и будем работать. Будем принимать превентивные меры. Но нам придется просить помощи – в области, в Москве, где угодно. Пусть пришлют специалистов, мы сами не справимся. Лучше перетерпеть это унижение, но остановить убийства. Это опытные спецы, уж поверьте моему слову. Пока они только расстреливают людей на трассе – в некотором роде разминаются. Что они собираются делать дальше и против кого направят свой опыт и жестокость – мы не знаем. Нужно проявлять осторожность, Пал Палыч. Не исключаю, что в данный момент они смотрят на нас и держат свои пальцы на спусковых крюках...

– Да иди ты к черту, Любавин... – чуть не подпрыгнул подполковник. – Что за чушь ты несешь?!

– Простите, товарищ подполковник, утрирую, конечно...

Но слово не воробей. Что мешало этим призракам сидеть в укромном месте и наслаждаться произведенным эффектом? Подполковник опасливо посмотрел по сторонам. Теплый августовский день уже разгорался. На трассе «Дон» царило оживленное движение в обе стороны. Бабаевский район был в некотором роде «водоразделом» между центральными областями европейской части России и ее югом. Пыхтели многотонные фуры и небольшие грузовики, шустро бежали, обгоняя их, легковые автомобили. В воздухе стоял плотный запах сгоревших газов. До смешанного леса на западной стороне трассы было рукой подать. Деревья и кустарники сливались в общий зеленый фон. В растительной массе могло таиться что угодно, и контролировать эти чащи не было никакой возможности. Созерцание леса было сродни созерцанию бездны, которая сама с любопытством тебя созерцает. Даже лейтенанту Любавину стало не по себе. Подполковник Погодин глянул на него со злостью, досадливо махнул рукой и поплелся к машине, где его заждался водитель...

Глава третья

Подмосковный городок, расположенный в сорока километрах от кольцевой автодороги, мирно спал. Несколько пятиэтажек в центре, обширный частный сектор, разбросанный по берегам речушки. На окраинной улочке Первомайской было тихо, как на погосте. Улицу застроили коттеджами – не самыми пафосными и архитектурно сложными, но вполне добротными и вместительными. За последние пятнадцать лет на ней ничего не изменилось. Здесь жили «умеренно обеспеченные» люди, ценящие покой и удаленность от шумных районов. Многие дома сдавались в аренду. Буйным цветом цвела растительность. Заборы и дома прятались за развесистыми деревьями. Преобладали хвойные – ели, пихты, лиственницы. Сюда не долетал шум от круглосуточно гудящей автотрассы, расположенной за плотной лесополосой. Но при этом добраться в городок можно было легко.

С примыкающей улочки выехала машина и неторопливо двинулась к тупику, за которым простирался заросший камышами пруд. Дорогу давно не ремонтировали, асфальт потрескался, вздулся. Свет фар выдергивал из темноты колдобины, чреватые поломкой ходовых частей, заросли сорняков, рельефные очертания заборов из профлиста. Машина остановилась у предпоследнего участка на улице. Территорию запустили – мусор валялся по всей окрестности, но в двухэтажном коттедже жили – за шторами поблескивал свет. Остальные здания были погружены в темноту. Старенький джип с номерными знаками Тульского региона остановился недалеко от запертых ворот. Вышли двое: какой-то нервный худосочный тип – он постоянно шмыгал носом и откашливался – и сутулящийся мужчина в бейсболке и мешковатой ветровке. Казалось, он стеснялся своего спортивного сложения, но двигался уверенно – в отличие от первого. Мужчины подошли к запертой двери, прорезанной в заборе. Худошавый тип позвонил. Субъект в бейсболке стоял рядом, держал руку в кармане. На звонок отреагировало переговорное устройство, скрытое за ветками:

– Вовчик, это ты?

– Я, Санек, – хрипло отозвался худой, облизывая губы. – Отворяй ворота...

– Кто с тобой? – По-видимому, переговорное устройство соседствовало с видеокамерой.

– Свои. Это человек Платона, у него инструкции для нас. Он приезжал уже вчера, мы с ним беседовали...

– Ты чего такой опущенный?

– Живот болит...

Вовчик стрельнул глазами в стоящего рядом мужчину. Тот, как бы невзначай, ткнулся в него локтем, но явно не от избытка нежных чувств. Щелкнуло в воротах – сработал механизм с пульта дистанционного управления, и створки стали медленно раскрываться. Вовчик застыл, словно задумался. Напарник снова ткнул его локтем – тот вышел из ступора, дернулся, чтобы пройти в распахнувшееся пространство. Второй шикнул на него, Вовчик опомнился, потащился обратно к машине. Мужчины снова загрузились в салон, джип проехал ворота, и они стали закрываться. Машина остановилась посреди двора. Те же двое вышли из нее и направились к крыльцу. Теперь Вовчик шел впереди, не зная, куда деть руки, а его спутник на шаг сзади, продолжая держать руку в кармане. Друг за дружкой они поднялись на крыльцо и стали ждать, когда отворится дверь. Загорелась лампочка в мутном плафоне над проемом. Вовчик вдруг напрягся, задрожал. Второй мужчина тоже насторожился, придвинулся к нему, чтобы ощутить спиной торчащее из кармана металлическое изделие. Не хватало лишних сюрпризов в самый интересный момент... Здесь тоже имелась камера – ее упрятали под стропила козырька, поблескивал голубой огонек.

– Эй, кто там с тобой, Вовчик, пусть голову поднимет, – проворчали из-за двери, – а то скромный такой, в тени держится...

И вдруг произошло самое неприятное, что могло произойти! Вовчик дернулся, как бегун на старте, отпрыгнул к перилам и крикнул во весь голос:

– Хлопцы, это москали!!! Спецназ нас «палит»!!! Спасайся, кто может, хлопцы!!!

Надо же, не вынесла душа поэта! Открывать лицо уже было неактуально, и майор Вадим Репнин – 38-летний командир группы спецназа «Поток» управления специальных мероприятий Федеральной службы противодействия терроризму – действовал молниеносно. Подсечка, удар локтем под загривок, и Вовчик с голубиным клекотом треснулся о перила, разнеся себе вдребезги нижнюю челюсть. Вот же дурак – а ведь мог остаться цел!

В доме что-то загремело, раздался топот, грязная ругань. Разбилось стекло на втором этаже, и простучала злобная автоматная очередь. Какая нервная реакция! По счастью, стреляли не в машину, а вообще непонятно куда! Задние дверцы джипа распахнулись одновременно, и по пыли покатались трое людей в защитных комбинезонах, вооруженных автоматами. Они сразу кинулись врассыпную: двое за угол, третий – за беседку, и немедленно открыли огонь по второму этажу. Из дома прекратили стрелять – то ли он отогнал автоматчика, то ли ликвидировал. Вадим прижался к косяку, выхватил из кармана пистолет. «Оппоненты» могли прострелить дверь, могли ударить сверху по навесу крыльца, а он сегодня решил не надевать бронезилет. Глупость, бравада, но так надоело таскать эту тяжесть! Прапорщик Федор Жилин, засевший за беседкой, прекратил огонь. В доме продолжали бегать, ругаться. На задней стороне разбилось стекло, прогремели выстрелы, повалился какой-то громоздкий предмет мебели, и все стихло. Паузу заполнил Вовчик, очень кстати оживившийся. Он сполз по балясинам на пол, перевернулся на спину и вдруг завопил, как фанатик на митинге! Второе горло открылось? В принципе он был уже не боец, но эта «музыка» раздражала. Вадим опустился на колени, врезал по второй челюсти, и Вовчик надолго выбыл из мира здравомыслящих и пребывающих в сознании людей.

На участке воцарилась хрупкая тишина. Дом испуганно помалкивал. Молчала и округа – люди проснулись и помалкивали, за исключением нескольких голосистых собак. Свои ребята тоже выжидали, не лезли под пули без распоряжения. Кроме Вадима, их было пятеро – вся группа «Поток» в полном составе. Трое прибыли с плененным Вовчиком, которого «замели» у схрона в лесу и хорошенько припугнули (видимо, не очень хорошенько), двое подкрались к участку с огородов – там не было собак, иначе пришлось бы извращаться. Ожил переговорник в ухе:

– Товарищ майор, я за беседкой, – отчитался прапорщик Жилин. – Вижу, как вы жметесь к стеночке. Можно этого не делать. Автоматчик на втором этаже ликвидирован, в остальных окнах чисто.

– Ты уверен, что он ликвидирован?

– Ну, не знаю, в окне висит, – с какими-то юмористическими нотками отозвался боец. – Чего бы он живой висел?

Логично. Значит, их осталось трое. Вся банда, если верить собранной информации, состояла из пяти человек. Вовчик не шевелился, уткнулся носом в половицы. Спина судорожно подрагивала.

– Как там ваш протеже, товарищ майор? – поинтересовался Жилин.

– Еще дышит, – лаконично отозвался Вадим.

– И иногда ест, – хмыкнул вклинившийся в разговор старший лейтенант Гриша Амбарцумян. – Командир, я на западной стороне, держу окна. Пока не лезут, гранаты не бросают. Может, спросим у ребят, как насчет белого флага?

– Успеется. Остальные? – бросил Вадим, прислушиваясь к подозрительной тишине за дверью.

– Держу восточную сторону, – отчитался немногословный капитан Максим Рудницкий. – На втором этаже окон нет. На первом, кажется, кухня – остекление по всей стороне здания.

– Помалкивают, гады, – произнес свистящим шепотом лейтенант Вова Балабанюк. – Мы с Капраловым на северной стороне. Он хитрый – сидит за бочкой с песком, а я за пустой бочкой... Здесь типа садик, командир. На первом этаже два окна, задняя дверь, на втором этаже балкон – солидный такой, в фигурных балясинах... Ух, черт... – вдруг вырвалось у Балабанюка. – Леха, ложись!

На задней стороне прогремел взрыв – по счастью, не мощный, сработала наступательная граната. С балкона бросили, сообразил Вадим и скрипнул зубами. Вот Вовчик, гаденыш, такую красивую песню запарол, все было расписано, как по нотам! Ситуация нуждалась в исправлении.

– Балабанюк, Капралов, вы в порядке? – спросил он.

– Да, командир... – ответил Балабанюк отплеываясь. – Накормили землей, уроды...

– Капралов?.. Алексей?.. Ты в порядке?

– Леха, ты что там, блины печешь? – раздраженно прошипел Балабанюк.

– Здесь я... – отозвался прапорщик Капралов. – Засыпало малость... Все в норме, товарищ майор, еще повоюем...

– Никому не реагировать, – приказал Вадим. – Ждем, набираемся терпения...

– Не набираемся, а испытываем, – недовольно проворчал Рудницкий. – Просим у бандитов дополнительную минуту, командир?

– Вроде того. Все, мужики, тишина в эфире.

Пауза протекла воистину драматическая. Внутри сидели не шахиды, готовые на тот свет в объятия пресловутых 73 девственниц. Но сдаваться им не хотелось – видимо, очень высоки были ставки. Вадим осторожно расстегнул подсумок, висящий на поясе за ветровкой, вытащил гранату «Ф-1». Снова стал слушать. У западных соседей отрывисто лаяла собака, брэнчала цепь – пес носился вокруг будки. В доме определенно что-то происходило. Сообщники приглушенно переругивались, готовились к прорыву, но не знали, где у спецназа слабое место. Да все места вокруг этого дома слабые! Нервы натянулись, можно представить, как они натянулись у «гарных хлопцев», засевших в коттедже!

– Ну что, командир, какой вывод? – поинтересовался Рудницкий.

– Никакого, – отозвался Вадим, – мы еще ввод не закончили. По сигналу все идем через восточное окно. Максим, будь готов его прорубить. Подставь там что-нибудь для удобства. Эй, отряд, все подтягиваемся к Рудницкому. Капралов, остаешься на стреме, на тебе западная и северная стороны.

– Какой сигнал-то, командир? – встрепенулся Балабанюк.

– Громкий, – проворчал Вадим.

Жилин простился с беседкой и гусиным шагом направился вдоль восточной ограды. Длинноногий, рослый, жилистый, явно засиделся в прапорщиках в свои 36 «мальчишеских» лет... Он схватил за шиворот бесчувственного Вовчика, перекинул через перила. Тот свалился с подозрительным хрустом – окончательно добил свою многострадальную челюсть. После этого Вадим выдернул чеку из гранаты, сунул под входную дверь. Четырех секунд хватило, чтобы перевалиться туда же, отлететь подальше от Вовчика и упасть плашмя, заткнув уши. Рвануло душевно – грохот был такой, что в Москве, наверное, все собаки проснулись. Ударной волной сорвало дверь с петель, часть ее унесло в дом, часть развалилась. Входной проем заволкло дымом. В доме закричали. Нормальная уловка – пусть думают, что штурм осуществляется через парадное крыльцо! Он вскочил на ноги и побежал за угол. Там уже работал спецназ. Максим Рудницкий подтащил к фундаменту колченогую лавочку, валявшуюся рядом с сараем. Ее и использовали в качестве трамплина. Ударили по кухонным окнам из всех стволов. Сыпалось стекло, трещали худые рамы оконных переплетов. Рудницкий первым запрыгнул на лавку, оттуда на подоконник, выбил прикладом перекосившуюся перегородку проема – и через мгновение был уже в доме. Он стрелял из автомата, расширяя завоеванный плацдарм. За Рудниц-

ким в дом влетел самый молодой – 24-летний Балабанюк, крепкий русоволосый, способный находить смешное даже в самых гиблых ситуациях. За ним – Жилин, Гриша Амбарцумян – 26-летний «модельный» красавчик, в котором, кроме смуглости и фамилии, не было ничего армянского. В доме стоял шум и гвалт. Трещали автоматные очереди. Раздавались крики, правда, только бандитов – люди Репнина в батальных сценах предпочитали помалкивать. С северной стороны прогремела тугая очередь – Леха Капралов отогнал от окна какого-то хитреца, решившего дать деру. Все правильно: либо умирайте, либо сдавайтесь, господа хорошие...

Вадим решил не создавать суету на кухне, припустил обратно к крыльцу – гарантии не было, что в суматохе кто-нибудь не воспользуется основным выходом. Справа от крыльца мешком валялся Вовчик – это надолго. Взрывом порвало дверной проем, выбило несколько половиц на крыльце. Он осторожно поднялся, перепрыгнул на целые половицы. В коридоре царил вселенский свинарник – взрывом сорвало панели со стен, валялась разбитая люстра, лепешки штукатурки. Вадим ворвался внутрь, прижался к стене и двинулся вперед. В доме еще хлопали выстрелы, кто-то топал на лестнице. Он миновал изогнутый коридор, прижался к стене перед проемом в гостиную и бегло осмотрелся. Слева еще одна дверь. Она была открыта. Вадим уже проследовал мимо, но различил шорох и мгновенно среагировал, прижавшись к стене. Дверь открылась, из проема вывалился невысокий взъерошенный блондин с трясущейся челюстью. Оружие он потерял, если оно вообще было. Удрать решил, поганец! Увидев Вадима, он перепугался, но в ступор предпочел не впадать. Прошипел что-то злобное, бросаясь к стене. Отбился от нее, словно мячик, повалился на колени, собираясь бросить противника через плечо. В принципе молодец, Вадиму не сразу удалось его обезвредить. Белобрысый что-то орал, подбадривая себя. Вадим успел отпрыгнуть, и прием из дзюдо, которым он прекрасно владел, но редко применял ввиду его непрактичности, получился смазанным. Оба потеряли равновесие, покачнулись, но Вадим остался на ногах, а противник на коленях, что и решило исход схватки. Он ударил коленом в челюсть, а когда тот повалился, запрокинув голову, оседлал его и начал обрабатывать кулаком его челюсть. Блондин брызгал слюной, шипел, отбивался, смог даже царапнуть лоб Вадима, что окончательно того разозлило, и он нанес разящий удар, от которого заныли кости даже видавшего виды кулака. Бандит хрипел, давился кровью, выплевывая остатки зубов, – теперь до конца жизни ему придется шамкать, как беззубой бабке! Вадим слез с него, брезгливо вытер с лица кровавую слюну. Глаза блондина закатились, он потерял сознание. Оставлять его здесь было неразумно, поэтому Вадим обхватил его за лодыжку и потащил за собой в гостиную.

А там все было нормально. Перевернутая мебель, расстрелянные шторы и картины. Спецназ завершал работу. Из примыкающей комнаты выбрался возбужденный, раскрасневшийся Вова Балабанюк, буркнул: «Все чисто». Жилин сидел на корточках под массивной лестницей, смотрел вверх и держал автомат наготове. В окно заглядывал прапорщик Капралов, которого «отстранили» от коллективной работы. Ему, как и Рудницкому, было 34, крепко сбитый, коренастый, с широкими залысинами, он всегда был невозмутим, как сфинкс, казался простоватым, не очень образованным, но дураком точно не был. Посреди комнаты на задранном ковре Гриша Амбарцумян реанимировал неподвижное тело с проломленным черепом. Бедняге не повезло, он уже практически отмучился. Издал какое-то глухое бульканье, поскреб ногтями половицы и затих. Гриша явно переусердствовал.

– Что он сказал? – повернул голову Жилин.

– Не понял, – пожал плечами Амбарцумян. – Что-то из табуированной лексики.

– И в гроб сходя, благословил, понятно, – проговорил Балабанюк. – Ладно, Гриша, не парься. Будем считать, что труп не криминальный. Ого, командир, с добычей тебя! – с уважением уставился он на майора Репнина, который втащил в гостиную за ногу бесчувственного блондина и бросил на ковер. – А мы его чуть не упустили, выходит?

– Этот живой, – отдуваясь, сообщил Вадим. – Условно, конечно. За крыльцом еще один, будет жить растительной жизнью. Где Рудницкий? – нахмурился он.

– Там, – прошептал Жилин, делая заговорщицкое лицо и показывая стволом наверх. – Один туда рванул. Максим сказал, что сам справится, и побежал за ним.

– А вы и обрадовались.

– А чего там толкаться? – пожал плечами Гриша Амбарцумян. – Максим не маленький.

В принципе все правильно. Чем меньше людей, тем меньше вероятность, что пуля попадет не туда. Максим Рудницкий не родился офицером спецназа. Он не только послужил в горячих точках, но был еще и лесником на дальней заимке в Красноярском крае, и альпинистом-спасателем на Алтае, и первоклассным охотником – что в первую очередь подразумевало умение выслеживать добычу.

Ожидание не затянулось. Прогремел лишь один выстрел. Кто-то повалился, глухо охнув.

– Эй, все в порядке! – крикнули сверху. – Этот парень решил в ванной засаду учинить!

– В глаз, как белку, – констатировал Балабанюк.

– Тащи его сюда! – крикнул Амбарцумян.

– Сами тащите, – проворчали наверху, – я вам не нанимался покойников телепортировать. Здесь еще один имеется – в окне повис.

Банда была уничтожена. Ни одно животное и ни один спецназовец не пострадали. С пронзительным мяуканьем из-под перевернутого кресла выскочил роскошный рыжий кот и вылетел в окно, едва не сбив растерявшегося Капралова. Бойцы засмеялись – скучно без животных. Спустился Рудницкий – мрачноватый, язвительный, среднего роста, со скуластым лицом, украшенным бронзовым загаром. Месяц назад получил капитана, но решительно отказывался переходить на другую работу, резонно считая, что командовать людьми – не его конек. Он устало и как-то невнятно улыбался.

– Ну что, мужики, по домам? Компетентные органы уже в пути?

– Еще немного, – вздохнул Вадим, – еще чуть-чуть, и все мы поедем заниматься любимым делом – спать.

– О, да, – мечтательно протянул Балабанюк. – Мы – львы в постели, можем спать по двадцать часов в сутки, если никто не будит.

По информации, полученной из ФСБ, в Подмосковье проникла группа украинских диверсантов, связанных со Службой безопасности Украины, с целью организации терактов в людных местах, в том числе у Министерства иностранных дел, у здания Минобороны на Знаменке. Вроде собрались что-то взрывать – мстить за отпочковавшийся Крым, за мятежный Донбасс, за то, что у Украины опять ничего не получается. Можно подумать, у государства с такими властями что-то получится! Федеральная служба по противодействию террору работала в тесном содружестве с ФСБ. Отличился киевский «крот» – ювелирно точно навел на группу. Эти люди рядились под мелких бизнесменов, торгующих стройматериалами, разъезжали по Московской области, отмечались в разных инстанциях. С документами у них все было в порядке, с прикрытием – тоже. Кто-то в силовых структурах усердно вставлял палки в колеса. С самого начала все шло не так. Группу выследили, обложили, выявили пару схронов, где они прятали оружие и взрывчатку. Спецназ ФСБ взял всю банду до единого человека – без выстрелов и криков. В чем подвох? И лишь случайно найденный склад взрывчатки навел на истинный след. В Россию забросили две группы – одна реальная, другая – клон, считающая, что она и есть реальная! Вторую группу «слили» российским спецслужбам, первая приготовилась беспрепятственно работать. На след ее вывел тот самый Вовчик Слесаренко – неприятный, но информированный тип, работающий связным с подпольными и криминальными структурами. Банда ожидала продажного офицера одной из подмосковных частей, с которым договорилась о покупке еще одной партии мощной армейской взрывчатки. Все собрались в арендованном коттедже на Первомайской улице...

Ликвидация банды оказалась не самой сложной частью работы. Пришлось еще выдерживать нашествие компетентных органов. К приезду оперов из управления и высокопоставленных борцов с террором в гостиную уже не было прежнего бардака. Но накурили вдоволь. Тела бандитов лежали в четком геометрическом порядке. Это были крепкие мужчины нормальной славянской внешности, с качественными российскими паспортами. Кто-то был зарегистрирован в Мурманске, кто-то в Петропавловске-Камчатском. Капралов поймал в саду кота, и оба теперь неплохо себя чувствовали в кресле. Он вслух раздумывал: не взять ли кота домой? Квартира пустая, из мебели только раскладушка, зато будет повод познакомиться с соседкой-кошатницей, у которой шикарная британская кошка. Товарищи дружно отговаривали: мол, животное в доме – это не только геморрой, но и большая ответственность, а товарищ прапорщик даже за собой проследить не может, оттого и холостой уже четвертый десяток.

Первой в коттедж ворвалась возбужденная женщина в форме – молодая, но уже заместитель начальника отдела по планированию особых операций.

– Вот это да! – восхитился Амбарцумян. – Мужики, у нас ложка не падала? Товарищ Мезенцева, как мы рады! Проходите, сударыня, присаживайтесь, прапорщик Капралов освободит вам кресло. Капралов, кыш со своим котом!

– Не старайся, Амбарцумян, – отрезала женщина, – я знаю, что ты женат.

– Это не совсем так, Валентина Сергеевна, – запротестовал боец спецназа. – В графе «семейное положение» я всегда пишу: «все сложно».

В коттедж просачивались автоматчики в шлемах, офицеры управления в штатском.

– Репнин, вы что тут натворили? – ужаснулся подполковник Пещерник – непосредственный начальник Мезенцевой. – Что за мясорубка? И как нам их допрашивать?

– Можно медиумов позвать... – отвернувшись, пробормотал Балабанюк.

Молодой капитан Никонов, координирующий в этом деле работу федеральных служб и уже осмотревший тела, рассмеялся.

– Все в порядке, товарищ подполковник, – проговорил Репнин, – слева – мертвые, справа – живые.

– И как прикажете их воскрешать? – неуверенно спросила Мезенцева, скептически озирая тела. – Эти люди знали имена тех, кого им удалось завербовать...

– Мы тоже знаем парочку имен, – загадочно улыбнулся Вадим. – Кстати, Валентина Сергеевна, с глубочайшим сожалением должен сообщить, что одно из имен... ваше.

– Вы о чем? – Она с трудом проглотила комок слюны. – При чем тут... мое имя? – И посмотрела на подполковника, как будто просила у него защиты.

Тот тоже ничего не понял, но на всякий случай продолжал хмуриться. В этот момент Мезенцева почувствовала себя, словно в вакууме, и, покрывшись мертвенной бледностью, постаралась разыграть возмущение:

– Да что тут происходит, в конце концов?

– Валентина Сергеевна, вы только не волнуйтесь. – Никонов обменялся с Вадимом многозначительной улыбочкой. – Думаю, мы очень скоро во всем разберемся.

– Я не понимаю, что здесь происходит и почему я должна здесь оставаться, – заявила она. – Это заговор, товарищи офицеры. Хотя допускаю, что вас ввели в заблуждение.

Мезенцева неуверенно направилась к выходу. Никто из офицеров даже не шевельнулся, только Вадим выразительно глянул в глаза собровцу на входе. Тот шагнул в сторону, перекрывая ей проход. Люди отворачивались, смущались, словно вынуждены были делать что-то постыдное...

Отряд базировался на окраине Красногорска. Они доехали до города лишь к утру – донельзя уставшие, но переполненные чувством выполненного долга. Семиместный джип «Тойота Фортунер» летел без остановок по Волоколамской трассе. Капралов яростно зевал за рулем, а когда товарищи хором набрасывались на него, чтобы не спал, он невозмутимо ухмы-

лялся: все в порядке, товарищи офицеры и прапорщики, машина едет на автопилоте! На базе бойцы разбрелись. Кто-то отправился в общежитие, кто-то на съемную квартиру. Бойцы спецназа не купались в роскоши, и их жилища мало напоминали апартаменты обеспеченных слоев населения. В пустой комнате отдыха Вадим рухнул на жесткую кушетку, связался по закрытому каналу с полковником Паньковым Эдуардом Романовичем. Полковник был заместителем начальника управления спецмероприятий Федеральной службы противодействия террору генерал-майора Кашарина и являлся куратором группы «Поток».

– Молодец, Вадим, рад, что вы справились, – отозвался Паньков. – Я сегодня же доложу начальству, ждите поощрения. А пока каждому трое суток отпуска. Можете съездить домой, отдохнуть, расслабиться. Много не пейте, – предостерег Эдуард Романович. – Можете понадобиться... Послушай, Вадим, – как-то неуверенно сказал куратор, – ты умный парень, многое понимаешь... Скажи, эти люди действительно планировали теракты в Москве?

– На это все указывает, Эдуард Романович. В душу мертвым и покалеченным не лезли. Слесаренко, которого мы допрашивали... гм, на природе, всего лишь связник. Вас что-то удивляет?

– А тебя нет? Я до сих пор считаю, что украинцы и русские – братья, неразлейвода. Их больше связывает, чем разъединяет. У нас у всех там родственники. И у них у всех – родня в России. Почему так вышло...

– Все сложно в этом мире, товарищ полковник... – Вадим не удержался, зевнул.

– Сложно, говоришь? Ну-ну... Ладно, спи, герой. И пусть тебе приснится работа после выхода из краткосрочного отпуска.

Ему ничего не снилось. Он даже не спал. Собрался, покинул предутреннюю базу. На этой окраине Красногорска помимо частного сектора было несколько жилых пятиэтажек. В одной из них на первом этаже Вадим снимал однокомнатную квартиру. Мебели в «майорских хоромах» был самый минимум, порядок наводился нечасто. Жилье считалось временным. Начальство обещало выделить когда-нибудь приличную квартиру в Красногорске или даже на окраине Москвы как особо ценному сотруднику, чтобы он мог перевезти сюда семью и зажить нормальной жизнью. Это было даже не смешно. Сначала он верил высоким обещаниям, потом относился к ним с иронией, потом – со злобным сарказмом. Квартиры получали те, кто пороха не нюхал. Многие даже покупали. Те, кто попроще, брали ипотеку, влезая в пожизненную кабалу («Ипотенты несчастные», – подтрунивал он над ними). Тянулись месяцы, служба проходила энергично, с огоньком, бытие же вне службы было серым, унылым и исполненным голубиной тоски...

Товарищ полковник, видимо, издевался. Трое суток, чтобы съездить домой и хорошенько отдохнуть? Отличный реабилитационный отпуск. Дом его находился за три с половиной тысячи верст, в «заснеженной» Сибири, в «непроходимом» полуторамиллионном городе. Там он родился, оттуда призывался, там проходил дальнейшую службу – сначала в Отдельной бригаде Бердского спецназа, а после ее расформирования – в Отдельной бригаде спецназа ГРУ, дислоцирующейся в Новосибирске. Оттуда и начал полтора года назад колесить по стране и ближайшим окрестностям, выполняя задания Родины. В Новосибирске была семья – аж до 2010 года. Нормальная семья – красавица-жена, дочка. Маринке в тот год исполнилось девять. Жена Наталья погибла в теплую июльскую ночь, когда в отсутствие Вадима понеслась на своей легковушке к подруге, которая вот-вот должна была родить. Позже выяснилось, что никакой спешки не требовалось, но у Натальи имелось собственное мнение. Страшная авария произошла в 3 часа ночи на Советском шоссе. Водитель на личном самосвале возвращался ночью с работы. Почему у него оказался поднят кузов? Спать хотел, случайно нажал или само сработало? И сколько он проехал в таком положении? Позднее следствие установило, что датчика поднятия кузова в кабине не было! Нормальная китайская техника. Он снес этой задранной машиной крытый пешеходный мост, висящий над шоссе. Кузов оторвался. Рухнув-

шие конструкции виадука раздавили самосвал, а вместе с ним и юркую легковушку с женщиной-водителем, которая пошла на обгон... Было страшное месиво, спасатели работали весь остаток ночи, чтобы извлечь тела и освободить проезд. Погибли двое – водитель самосвала и женщина в раздавленной легковушке. Опознавать было практически нечего, но Вадим опознал. Начальство предоставило десять дней отпуска, из которых неделю он беспробудно пил, а потом пытался выбраться из депрессии. Наташа была в этом мире самым близким существом. Даже по прошествии лет он не мог осознать, что она умерла. Маринке исполнилось уже девять, и скрывать от нее трагическое происшествие было глупо. На выручку пришла одинокая двоюродная сестра Вадима, живущая в том же городе. Матерью не стала, но ребенок всегда находился под присмотром. Маринка оправилась только через год, но осталась замкнутой, нелюдимой, росла грубиянкой. Помогли психологи, к которым ее таскали на аркане. Стали появляться друзья, интересы, улучшились оценки. Но язвительное отношение к миру осталось и только шлифовалось. А когда Вадима перевели из местной бригады в Федеральную службу противодействия террору и он практически перестал бывать дома, она окончательно превратилась в ходячую иронию. Общались по телефону. Приезжал в Сибирь он редко – с такими ценами не наездишься. Да и времени свободного хронически не хватало. Маринка истекала желчью – рановато для такого возраста. Однажды заявила: мол, ей не нужен такой отец, которого она практически не видит. ЭТО НЕНОРМАЛЬНО. Ты либо появись и не исчезай, либо исчезни и не появляйся. И ей плевать, что он там Родину защищает (которая и без него как-нибудь проживет), лучше бы он собственную дочь защищал от жестокого мира! В принципе девочка была доброй, но иногда находило, и он сам не знал, как себя вести...

Он валялся на кровати, лежа на спине, вытянув ноги и расслабив все конечности. Этокое сумеречное состояние перед засыпанием, которое должно снимать усталость и приносить ментальное расслабление. Но только не сегодня. Сон не шел. События последних дней плясали перед глазами. Оставаясь один, он погружался в состояние загребущей тоски. Хуже не бывает – дико устал, а уснуть не можешь.

Он не заметил, как задремал, но через два часа проснулся. Пошатался в рваных трениках по квартире, изучил содержимое холодильника. Из еды там была лишь початая бутылка клюквенной настойки. Для начала сойдет, подумал Вадим. Чтобы усилить свой меланхолический настрой, он взял телефон, прикинул, какое время дня сейчас в Сибири, и позвонил Маринке.

– Папуля, ты знаешь, сколько сейчас времени? – зашипела дочь.

– А что такое? – испугался Вадим, снова прибавляя к текущему времени три часа. – Вроде день. Пятница...

– Вот именно, я еще в школе... Если не помнишь, я иногда посещаю это исправительное заведение, учусь в предпоследнем классе...

– Черт, извини, Мариш... Подожди, – вдруг сообразил он, – сейчас август, какая школа?

– Ага, попался! – рассмеялась Маринка. – Ладно, папуля, расслабься, я пошутила. Все в порядке, сидим с пацанами за гаражами, они недавно освободились, пивасика дернули, марихуану покурили, а то без нее, знаешь ли, ощущения во время секса не те.

Он уже научился в общении с ребенком лишней раз не вздрагивать. Нормальное начало разговора. Протестные настроения бывают не только в обществе, но и у собственных детей. Впрочем, общество понятно против чего протестует, а вот детям чего надо?

– А серьезно?

– Лежу на диване, смотрю какую-то муть по телевизору, – вздохнула Маринка. – Говорят, сегодня последний теплый день в этом странном городе. Через час придет Танька, пойдем на пляж, пока его снегом не засыпало.

Этот город действительно был странный. Бесконечный, разнородный, в чем-то приличный, продвинутый, в чем-то ужасный и недоразвитый. Центр всего, что только можно представить за Уралом. Город с собственным нервом, с раздутым самомнением, с жителями, которые

любят и ненавидят его с одинаковой страстью. Город невыносимого климата, в котором никто не удивлен, когда за неделю сменяются все четыре времени года.

– Что у тебя нового, Мариша?

– Папуль, ну, абсолютно ничего нового. Тоска смертная. Пойти некуда и не с кем – все разъехались, кто в Крым, кто в Таиланд...

– Мариша, ты же знаешь, меня раздражает, когда ты называешь меня папулей...

– А как тебя называть? – удивилась не очень-то воспитанная дочь. – Папахен? Папик? Мне кажется, последнее – немного из другой области.

– Совсем из другой области, – рассмеялся Вадим. – Ладно, Мариша, я рад, что у тебя все в порядке. Как там тетя Люда?

– А что ей сделается, – фыркнула дочь. – У тети Люды дача в Матвеевке, и этим все сказано. Других слов с мая по октябрь она не знает. Дача, дача, дача...

– Да, я в курсе, тебя тошнит от этих слов. Могла бы хоть иногда ей помогать. Когда-нибудь ты, Мариша, узнаешь, что в жизни существуют и более ужасные слова.

– Ну, да, имеются догадки, – ухмыльнулась дочь, – не такая уж я тупая. Как ты там, папа, в своей голодной дремучей Москве?

– Все хорошо, работаю. Со смены пришел, разрешили немного отдохнуть.

– Жену не подобрал себе еще?

– У меня уже была жена, Мариша. Не уверен, что появится другая.

– Ой, не зарекайся. Весь в поиске там, поди... Слушай, в Интернете пишут про «вежливых зеленых человечков», отжавших у Украины Крым. Одним из них был не ты, случайно?

– Гм, Маришка... – Телефонные разговоры майора спецназа, естественно, не прослушались, но этой девчонке пора бы начать соображать, где говорить, а где молчать.

– Папа, а можно я себе еще одного папу найду? – Маринка как-то незаметно уселась на любимого конька. – Ну, в смысле другого?

– Зачем?

– Чтобы рядом был, не отсутствовал, когда очень нужен, чтобы чувствовала, что я в этом мире не одна и кто-то во мне нуждается... И отчество у меня, опять же, незвучное... Ладно, пап, не парься, я просто прикалываюсь. Расслабься, выполняй свой долг. Слушай, приезжай же скорее! – Маринка чуть не расплакалась. – Я же люблю тебя, пап! Я же скучаю! Расту тут, как сирота казанская!

От разговора с дочерью остался горький осадок. Слетать туда-обратно – двадцать тысяч. Зарплату задерживают. Только и успеет обнять Маринку и выслушать от нее очередную порцию гадостей, какой он скверный отец и как было хорошо, когда была жива мама. Он налил стакан настойки, выпил глотками. Поднялся, посмотрел на себя в зеркало. Еще не старый, но весь какой-то спущенный, осунувшийся, круги под глазами. В принципе нормальный мужик, мог бы наладить свою жизнь... Ударило что-то под затылок. Он посмотрел на часы. Если быстро заказать билет по Интернету, еще быстрее привести себя в порядок, помчаться в аэропорт – а самолеты вылетают каждые четыре часа... Какого хрена он еще сидит!

Зазвонил телефон. Он вздрогнул, уставился на него, как на террориста номер один. Это был полковник Паньков. Комок разочарования подступил к горлу. Вот так всегда – построишь наполеоновский план, а начальство – бац!

– Слушаю, Эдуард Романович, – обреченно проговорил Вадим.

– Прости, майор, надеюсь, ты уже отдохнул, но еще не расслабился? – В голосе куратора звучали виноватые нотки. – Есть работа – срочная. Не возражаешь отдохнуть в другой раз? Обещаю добавить пару дней к реабилитационному отпуску. Живо ко мне, и предупреди ребят, чтобы далеко не разбредались.

Глава четвертая

Подержанная серая «Лада-2115» медленно ехала по крайней правой полосе с включенной аварийной сигнализацией. Трасса «Дон» в северном направлении была пуста, встречные машины еще попадались – люди спешили на юг, не считаясь со временем суток. А последнее было самым «безнадежным» – четыре часа утра. В низинах снова клубился туман, было прохладно – температура воздуха колебалась на отметке 15 градусов. Чувствовалось дыхание приближающейся осени – особенно по ночам. Пять минут назад машина выехала за пределы Глазова и теперь шла по трассе в сторону Бабаева – дистанция между объектами составляла 56 километров. За рулем сидела женщина – сравнительно молодая, стройная, с ярко подведенными губами, что в четыре утра смотрелось как-то необычно. Волнистые волосы были распущены по плечам. Окно со стороны водительницы было слегка приоткрыто, в машину проникал бодрящий ветерок.

Предместья Глазова остались позади. Расстиралась пустая трасса, за обочиной – жиденькая лесополоса, позади которой раскинулось необъятное поле. Вплоть до Осипова, расположенного в 16 километрах от Глазова, с этой стороны дороги не было населенных пунктов. Женщина вздрогнула: по второй полосе на опережение шла машина. Она покосилась в боковое зеркало – подержанные «Жигули» обогнали «Ладу». Водитель вдруг сбросил скорость, дождался, пока «Лада» с «аварийкой» поравняется с ним. Правая рука женщины оторвалась от руля, отыскала рукоятку пистолета, лежащего на соседнем сиденье. Неприятно зачесался левый висок. У соседней машины тоже было опущено боковое стекло, в котором показалась ухмыляющаяся физиономия пассажира. Он убедился, что за рулем действительно сидит женщина, и поздоровался с ней:

– Доброй ночи, милочка! Сломалась али шо?

– А тебе какое дело? – грубовато отозвалась женщина. Пистолет уже лежал в руке, холодил ладонь.

– Так, может, помочь хотим? – гоготнул мужчина. – На буксир взять, все такое. Ночь же, времени вагон.

– Спасибо, сама справлюсь, – процедила она. – До Осипова дотяну, немного осталось.

– А, ты у нас самостоятельная, – оценил мужчина. – Ладно, красавица, долбайся со своей развалюхой. Слушай, а может, отдохнем немного? – сделал он неожиданное предложение. – Сколько за час берешь?

– Да пошел ты! – вспыхнула женщина. – Чего пристали? Валите отсюда!

Водитель что-то бросил товарищу, и оба расхохотались. Двигатель взревел, как бизон, машина резко пошла на отрыв, выпустив облако ядовитой двуокиси, и спустя минуту габаритные огни скрылись в разреженном тумане. Женщина облегченно вздохнула, закрыла окно. Пистолет опустился на сиденье, рука вцепилась в рулевое колесо. Сзади кто-то завозился, и она подняла глаза к зеркалу. Молодой мужчина распрямил спину, в глазах блеснул юмористический огонек.

– «Лады» в ночи, блин... – пробормотал он. – Знаешь, как их называют, Танюха? Ночные «вазы».

– Смешно. – Женщина глубоко вздохнула, посмотрела по сторонам. Возникло желание прибавить газу.

– Спокойно, Танюша, спокойно, – проговорил мужчина, словно угадав ее настроение. – Едем не больше тридцати – забыла инструкции? Ну, да, ситуация щекочет нервы. Испугалась, поди, когда эти архаровцы нагнали?

– Было чуть-чуть, Сережа, – призналась она. – Сердце в пятки ушло. Тебе не кажется, что это глупый приказ? Тащиться на «аварийке» с черепашьей скоростью – мы бы еще транспарант

повесили «Работает полиция»! Вчера полночи мотались туда-сюда, нервы щипали, сегодня снова... Скажи, Сережа, зачем им пробивать наше колесо, если мы ползем с такой скоростью, что проще выстрелить водителю в голову? Может, быстрее поедем?

– Ну, давай чуть-чуть. До сорока, не больше. Приказ, конечно, тупой, и сама идея завиральная. Но куда деваться, судьба у нас такая. Регистратор все фиксирует, «маячок» сигнализирует. Хорошо, хоть звук отключили, а то и поболтать бы не пришлось... – вздохнул «отдыхающий» на заднем сиденье лейтенант Губаш, сотрудник Глазовского отдела полиции.

Неожиданно его рация ожила.

– Губаш, доложите обстановку, – потребовал дежурный по отделу.

– Да все нормалек, – отозвался сотрудник. – Едем, наслаждаемся. Готовьте молоко за вредность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.